

А. В. Репин

*заместитель начальника кафедры криминалистики
Сибирского юридического института МВД России*

ОТНОШЕНИЕ К ПРЕДЪЯВЛЕННОМУ ОБВИНЕНИЮ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА ВЫБОР ТАКТИКИ ДОПРОСА

Допрос обвиняемого является следственным действием, при производстве которого следователю нередко приходится сталкиваться с различными формами противодействия как со стороны самого обвиняемого, так и со стороны его защитника. Оказываемое противодействие напрямую влияет на возникновение ситуации допроса, а следовательно, требует готовности к нейтрализации и преодолению такого противодействия.

Одним из факторов, определяющих сущность и содержание ситуации допроса, является позиция допрашиваемого. На наш взгляд, формирование той или иной позиции происходит при взаимодействии трех ее составляющих элементов. Во-первых, это проявление того или иного способа психологической защиты, во-вторых, связанные с этим приводимые оправдательные или объясняющие мотивы и причины преступления обстоятельства и, как следствие, в-третьих, отношение к предъявленному обвинению.

Вопросы, связанные с выяснением отношения обвиняемого к предъявленному обвинению как одному из элементов, влияющих на формирование позиции допрашиваемого, неоднозначны и заслуживают отдельного внимания. Вызвано это тем, что авторами нередко эти вопросы рассматриваются излишне упрощенно, в результате чего, в зависимости от отношения, выраженного обвиняемым (признание вины полностью, частично или непризнание вины), предлагается судить о его позиции (содействие или противодействие), а также о характере складывающейся на допросе ситуации (бесконфликтная, конфликтная с нестрогим или строгим соперничеством). Мы не можем полностью согласиться с такой позицией и считаем, что отношение к предъявленному обвинению как показатель, характеризующий занятую обвиняемым позицию (содействие или противодействие), можно рассматривать достаточно условно.

Во-первых, необходимо четкое понимание значения признания вины обвиняемым. Правильная психологическая оценка,

анализ материалов уголовных дел, показаний самих обвиняемых свидетельствуют, что полное, глубокое, так называемое «чистосердечное раскаяние» встречается много реже, чем кажется на первый взгляд. Следует помнить, что признание — это не только правдивое описание своих преступных действий, но и признание его результатов [1, с. 62]. Однако, как показывает практика, чаще всего имеет место формальное признание фактических обстоятельств события, его юридической оценки и сожаление о неблагоприятных последствиях [2, с. 178].

Кроме того, следует разграничивать тактическое и доказательственное значение признания обвиняемого. Доказательственное значение признания обвиняемым вины будет иметь место в том случае, если признаются все факты, образующие элементы состава преступления, включая субъективную сторону (вину и мотив преступления), и оно подтверждается его развернутыми показаниями [3, с. 114]. О. В. Полстовалов справедливо отмечает, что «на практике следователи нередко ограничиваются получением признания на допросе в качестве подозреваемого и считают на этом свою миссию выполненной, не торопясь получить дополнительные доказательства. Такое отношение к процессу расследования следует признать халатным» [4, с. 21].

Во-вторых, о соответствии отношения к предъявленному обвинению занимаемой позиции можно говорить лишь в том случае, если:

а) следователем установлены все составляющие основу предъявляемого обвинения обстоятельства; им дана правильная юридическая квалификация; обвиняемому разъяснена сущность обвинения;

б) обвиняемому предъявленное обвинение и его квалификация понятны во всех деталях.

Однако, как показывают многочисленные исследования, такая ситуация встречается далеко не всегда. А. Д. Назаров, анализируя следственные ошибки, отмечает, что многие из них связаны с неправильной квалификацией преступления, а это, в свою очередь, отражается на отношении к предъявленному обвинению. Свыше 70 % ошибок связаны с «завышением» следователем квалификации [5, с. 81]. Как правило, следователи завышают квалификацию сознательно, в целях избежания возможного возвращения дела на дополнительное расследование.

Кроме того, значительная часть ошибок связана с неправильным определением формы вины. В результате проведенного нами анализа показаний обвиняемых выявлено, что нередко при

признании вины частично или непризнании вины оспариваются не столько обстоятельства преступления, изложенные в постановлении, сколько юридические формулировки, раскрывающие субъективную сторону состава преступления. Так, наиболее часто обвиняемые не соглашались с формулировками типа «внезапно возникший умысел», «имея (или реализуя) свой преступный умысел», «по предварительному сговору», «умышленно», «осознавая противоправность своих деяний» и т. п. Это свидетельствует о том, что следователи при предъявлении обвинения не уделяли должного внимания разъяснению его сущности, в том числе значению и сущности указанных юридических формулировок.

Таким образом, видно, что отношение обвиняемого к предъявленному обвинению во многом зависит от объективности и полноты изложения обстоятельств совершенного преступления в постановлении, их правильной квалификации и адекватности их восприятия допрашиваемым.

В-третьих, как показывает практика, отношение обвиняемого к предъявленному обвинению на протяжении расследования не стабильно. Так, если в среднем на первом допросе в качестве обвиняемого свою вину в совершении преступления признают полностью 61 % обвиняемых, частично — 25 % и не признают вину 14 %, то в ходе последующих допросов в среднем 18,5 % меняют свое отношение к предъявленному обвинению [3, с. 122–125].

На изменение отношения к предъявленному обвинению влияют и такие факторы, как время, прошедшее с момента совершения преступления до задержания лица; наличие судимости (преступного опыта); преобладание мотива на содействие или противодействие и другие.

Таким образом, отношение к предъявленному обвинению формируется под воздействием множества различных факторов, и расценивать признание вины полностью, частично или непризнание вины как показатель, характеризующий позицию обвиняемого на допросе в целом, можно лишь с большой долей условности. Реально же представление о характере занимаемой обвиняемым позиции (содействие или противодействие) можно получить лишь при сопоставлении отношения к предъявленному обвинению с проявляемыми способами психологической защиты, приводимыми оправдательными или объясняющими преступление обстоятельствами и при рассмотрении этих элементов во взаимосвязи, с учетом вида совершенного преступления.

1. Шахриманьян И. К. Психологические основы отдельных следственных действий. М., 1972. 112 с.
2. Севостьянов Р. А. «Признание вины» и «раскаяние» как критерии исправления осужденного: теоретические аспекты // Вестн. Саратов. гос. юрид. академии. 2017. № 1. С. 177–181.
3. Новиков С. А. Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России. СПб., 2004. 240 с.
4. Полстовалов О. В. Криминалистическая конфликтология: современные нравственные и психологические проблемы : монография. Уфа : РИО БашГУ, 2002. 152 с.
5. Назаров А. Д. Следственные ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса : учеб. пособие. Красноярск : КГУ, 2000. 323 с.

УДК 343.98

Д. Б. Санакоев

*доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности
и специальной техники Днепропетровского государственного
университета внутренних дел (Украина),
кандидат юридических наук, доцент*

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕПРАВОМЕРНОМУ КОНТЕНТУ: МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАКТИКА И ПУТИ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Стремительное развитие киберпреступности требует постоянного совершенствования существующих и выработки новых мер противодействия, в частности — осуществления контроля доступа к распространению неправомерного веб-контента спецподразделениями киберполиции и его межрегиональными подразделениями.

В этой статье предметом анализа являются вопросы фильтрации информационного наполнения веб-сайтов, задачи которой ограничиваются запретом доступа к определенным сайтам и применением схем, его усложняющих, с целью: 1) защиты граждан от таких преступлений (правонарушений), от ущерба, наносимого им постоянным пребыванием вредящей информации в Интернете (в частности, детская сексуальная эксплуатация); 2) ограничение свободного использования определенных высказываний; 3) введение запрета на доступ к информационному наполнению политического содержания; 4) защита экономических интересов, что касается преимущественно мультимедийного контента, распространяющегося без разрешения владельцев авторских прав с использованием различных приложений, например голосовой связи через IP-протокол (VOIP).